

Исторический контекст 28-го правила

Сергей Говорун

Историю 28-го правила IV (Халкидонского) Вселенского Собора следует начинать рассматривать по крайней мере с 381 года, когда третьим правилом II (Константинопольского) Вселенского Собора был закреплен статус Константинопольской Церкви как второй после Церкви Римской:

Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что город оный есть новый Рим.

Данный канон, с одной стороны, подтвердил возросший статус Константинопольской Церкви среди других Церквей, что было обусловлено политической ролью Константинополя как столицы империи. По замечанию архиеп. Петра Льюилье, такое повышение статуса Константинопольской Церкви стало «транспозицией политического положения Константинополя на церковный план».¹ С другой стороны, канон, хотя и молча, но весьма однозначно указал на то, что помимо «преимущества чести», обусловленного политическим положением столицы, у Константинопольской Церкви не было других активов, и в первую очередь зависимых областей. Действительно, более чем странно выглядит умалчивание о такого рода областях в связи с Константинопольской Церковью на фоне предыдущего – второго правила, где подробно оговаривается, какие области какой древней Церкви принадлежат:

... Александрийский епископ да управляет Церквями токмо Египетскими; епископы восточные да начальствуют токмо на востоке, с сохранением преимуществ Антиохийской Церкви, правилами Никейскими признанных; также епископы области Асийской да начальствуют токмо в Азии; епископы Понтийские да имеют в своем ведении дела токмо Понтийской области; Фракийские токмо Фракии...

Положение, когда Константинопольская Церковь – единственная из древних Церквей – оставалась без зависимых территорий, начало постепенно изменяться после 381 года. Этому немало способствовала слабость церковной власти в соседних с Константинополем областях: Фракийской, Понтийской и отчасти Асийской. Нестроения внутри различных церковных областей Малой Азии вынудили Константинопольского архиепископа Нектария (381-397) принять деятельное участие в разрешении их внутренних конфликтов. При этом каждый раз инициатива исходила не от него самого, а извне. В первый раз, в 383 году, св. Григорий Богослов обратился к Нектариию с просьбой вмешаться в ситуацию в Каппадокии и поддержать местного епископа Воспория. Григорий, по замечанию исследователей, обращался к Нектариию не потому, что считал, будто власть последнего распространяется на

¹ Peter L'Huillier, *The Church of the Ancient Councils*. Crestwood, New York: SVS Press, 1996, 121.

Каппадокию, но потому что видел необходимость вмешательства в конфликт имперской власти, и лучшим посредником для этого был Нектарий, как епископ наиболее близкий ко двору.² В другом случае, упоминаемом Созоменом³, вмешиваться пришлось в дела Никомидийской митрополии. И, наконец, в третий раз Нектарию пришлось принимать участие в разрешении спорного вопроса, возникшего в Вострской епархии Аравийской митрополии.⁴

Константинопольская Церковь значительно расширила свое влияние при св. Иоанне Златоусте. Как замечает Дагрон, «с Иоанном Златоустом имперский город стал центром высокой церковной дипломатии».⁵ Он также стал важным миссионерским центром, в частности среди готов.⁶ Кроме того, участились случаи посреднической деятельности Константинопольского епископа в разрешении конфликтных ситуаций в других епархиях – теперь уже и по собственной инициативе Константинополя. Наиболее известен случай, когда св. Иоанн Златоуст участвовал в расследовании обвинений против Эфесского митрополита Антонина, а после смерти последнего в избрании новых епископов области и нового митрополита.⁷ С этой целью он специально приезжал в Эфес, где провел около 4-х месяцев. По ходу дела он также сместил – главным образом по обвинению в симонии – целый ряд епископов в других областях: Ликии, Фригии, а также Никомидийского митрополита Геронтия.

После св. Иоанна Константинополь продолжал играть активную роль в жизни других епархий – преимущественно соседних. Так Аттик (406-425) рукоположил епископов для столицы Фракии Филиппополя и для Nikeи, входившей в Вифинию. Его преемник Сисинний (426-427) попытался поставить епископом Кизика Прокла – будущего Константинопольского патриарха, однако безуспешно, так как местные жители не приняли его вмешательства в дела своей епархии. В данном случае проявилась неустойчивость влияния Константинопольских епископов на дела других епархий – не будучи закреплено законодательно, оно привело к конфликту интересов.

При патриархе Нестории расширение влияния Константинопольской Церкви приобрело новое измерение – вероучительное. Несторий взялся

² См. Gilbert Dagron. *Naissance d'une capitale*. Paris: Presses Universitaires de France, 1974, 461.

³ *Церковная история*: изд. J. Bidez and G.C. Hansen, *Sozomenus. Kirchengeschichte* [Die griechischen christlichen Schriftsteller 50. Berlin: Akademie-Verlag, 1960], VIII, 6, 3-6; J. Hajjar, *Le synode permanent (Σύνοδος ἐνδημοῦσα) dans l'Eglise byzantine des origines au XIe siècle*. Rome, 1962, 59-60; Dagron. *Naissance*, 462.

⁴ См. Dagron. *Naissance*, 462-463.

⁵ Dagron. *Naissance*, 465.

⁶ См. J.N.D Kelly. *Golden Mouth. The Story of John Chrysostom – Ascetic, Preacher, Bishop*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1995, 142-144; W. Meyer, P. Allen. *John Chrysostom*. London, New York: Routledge, 2000, 9.

⁷ См. Dagron. *Naissance*, 466-469; Kelly. *Golden Mouth*, 163-180.

насаждать свою интерпретацию церковного учения – как оказалось, еретическую – как среди своей паствы в Константинополе, так и в других областях: Азии, Лидии и Карию.⁸ Его примеру последовал и другой Патриарх – Прокл (434-446), который занялся восстановлением антинесторианского православия на территории Армении (по этому поводу был издан его знаменитый *Томос к армянам*⁹, ставший одним из важнейших христологических документов 5-го века), восточного Иллирика, который в гражданском отношении зависел от Константинополя, а в церковном – от Рима, и даже Антиохии¹⁰. Прокл продолжал активно действовать в епархиях Понта, Азии и Фракии. Так, он вынес оправдательный приговор в судебном разбирательстве по делу Смирнского епископа, а также рукоположил епископа для Анкиры.¹¹ При Прокле укрепилась зависимость от Константинополя Церквей Эфеса и Кесарии Каппадокийской. Для первой он рукоположил епископа Василия, а для второй – способствовал избранию епископа Фалассия.¹²

Таким образом, ко времени Халкидонского собора Константинопольский Патриархат значительно расширил зону своего влияния по сравнению с 381 годом. Константинопольские патриархи чувствовали себя вполне уверенно во Фракии и Малой Азии, а также претендовали на некоторые территории, традиционно относившиеся к зоне влияния Рима и Антиохии. Сложившаяся ситуация должна была получить оценку со стороны по возможности всей Церкви и обрести некую юридическую базу, что и было осуществлено на IV Вселенском Соборе. Отцы Собора занялись рассмотрением вопроса о юрисдикции Константинопольского Патриархата лишь под конец соборных заседаний. В результате ими было проголосовано следующее решение, которое мы приведем в традиционном славянском переводе, в греческом оригинале по критическому изданию Э. Шварца¹³ и нашем переводе с греческого языка:

⁸ См. Dagron. *Naissance*, 470.

⁹ CPG 5897.

¹⁰ См. Dagron. *Naissance*, 472.

¹¹ См. Dagron. *Naissance*, 473.

¹² Там же.

¹³ *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, ed. E. Schwartz, Berlin, 1914-1940, II, 1, 3, cc. 88-89.

славянский перевод:

Во всем последуя определениям святых отец, и признавая читаемое ныне правило ста пятидесяти боголюбезнейших епископов, бывших в Соборе во дни благочестивыя памяти Феодосия, в царствующем граде Константинополе, новом Риме, тоже самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей Церкви того же Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят боголюбезных епископов представили равные преимущества святейшему престолу новаго Рима, праведно рассудив, да град, получивший честь быть градом царя и синклита, и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем. Посему токмо митрополиты областей, Понтийской, Ассийской и Фракийской, и так же епископы у иноплеменников вышереченных областей, поставляются от вышереченнаго святейшаго престола святейшия Константинопольския церкви: каждый митрополит вышеупомянутых областей, с епископами области,

греческий текст в издании Шварца:

Πανταχοῦ τοῖς τῶν ἁγίων πατέρων ὄροις ἐπόμενοι καὶ τὸν ἀρτίως ἀναγνωσθέντα κανόνα τῶν 97 θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων τῶν συναχθέντων ἐπὶ τοῦ εὐσεβοῦς τὴν μνήμην μεγάλου Θεοδοσίου τοῦ γενομένου βασιλέως ἐν τῇ βασιλίδι Κωνσταντινουπόλει νέᾳ Ῥώμῃ γνωρίζοντες, τὰ αὐτὰ καὶ ἡμεῖς ὀρίζομεν τε καὶ ψηφίζομεθα περὶ τῶν πρεσβείων τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας τῆς αὐτῆς Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης. καὶ γὰρ τῷ θρόνῳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην οἱ πατέρες εἰκότως ἀποδεδώκασι τὰ πρεσβεῖα καὶ τῷ αὐτῷ σκοπῷ κινούμενοι οἱ 97 θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀπένειμαν τῷ τῆς νέας Ῥώμης ἁγιωτάτῳ θρόνῳ, εὐλόγως κρίναντες τὴν βασιλεία καὶ συγκλήτῳ τιμηθεῖσαν πόλιν καὶ τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρᾳ βασιλίδι Ῥώμῃ καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασιν δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν καὶ ὥστε τοὺς τῆς Ποντικῆς καὶ τῆς Ἀσιανῆς καὶ τῆς Θρακικῆς διοικήσεως μητροπολίτας μόνους, ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων χειροτονεῖσθαι ὑπὸ τοῦ προειρημένου ἁγιωτάτου θρόνου τῆς κατὰ Κωνσταντινουπόλιν

русский перевод:

Во всем следуя определениям святых отцов и обращая внимание на прочитанное ныне правило ста пятидесяти боголюбезнейших епископов, собиравшихся при благочестивой памяти великом Феодосии, который был царем в царствующем граде Константинополе, новом Риме, то же самое и мы определяем и за то же голосуем – о первенстве святейшей Церкви того же Константинополя, нового Рима. Ибо престолу старшего Рима, поскольку то был царствующий город, отцы прилично дали первенство. Будучи движимы тем же побуждением, сто пятьдесят боголюбезных епископов наделили святейший престол нового Рима равной честью, благоразумно рассудив, чтобы город, получивший честь быть городом царя и сената и имеющий равную честь со старшим царственным Римом, и в церковных делах был возвеличен подобно тому (= старшему Риму) и стал вторым после него. Поэтому только митрополиты Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также епископы на варварских (территориях) указанных выше диоцезов рукополагаются упомянутым выше святейшим престолом святейшей Константинопольской

должны поставлять епархиальных епископов, как предписано Божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутых областей должны поставляемы быть, как речено, Константинопольским архиепископом, по учинении согласного, по обычаю избрания, и по представлении ему онаго.

ἀγιωτάτης ἐκκλησίας,
δηλαδή ἐκάστου
μητροπολίτου τῶν
προειρημένων διοικήσεων
μετὰ τῶν τῆς ἐπαρχίας
ἐπισκόπων χειροτονοῦντος
τοὺς τῆς ἐπαρχίας
ἐπισκόπους, καθὼς τοῖς
θείοις κανόσι διηγόρευται·
χειροτονεῖσθαι δὲ καθὼς
εἴρηται, τοὺς μητροπολίτας
τῶν προειρημένων
διοικήσεων παρὰ τοῦ
Κωνσταντινουπόλεως
ἀρχιεπισκόπου ψηφισμάτων
συμφώνων κατὰ τὸ ἔθος
γινομένων καὶ ἐπ' αὐτὸν
ἀναφερομένων.

Церкви, то есть при том, что каждый митрополит вышеупомянутых диоцезов должен рукополагать с епископами области епархиальных епископов, как предписано божественными правилами. А сами митрополиты вышеупомянутых диоцезов должны быть рукополагаемы, как было сказано, Константинопольским архиепископом – после согласного, по обычаю, избрания и представления ему (результатов избрания).

Самими отцами Собора данный текст не воспринимался как «канон». Это был «псиφος» (ψῆφος) – решение, принятое общим голосованием.¹⁴ С самого начала возникли проблемы с признанием этого «псифоса» Западом. Римские легаты, которые, кстати, отсутствовали при обсуждении данного решения, отказались его подписывать и потребовали внести в протоколы Собора свое особое мнение по этому поводу. Их позиция была поддержана и Римским папой св. Львом. Тот не сразу выразил свое отношение к результатам Собора. Лишь спустя некоторое время после Собора он одобрил его результаты, которые относились к вопросам веры, и выразил свое негативное отношение к «амбициям» Константинопольского Архиепископа Анатолия, проявившимся, по его мнению, в принятии «псифоса». Анатолий, отвечая Льву, заверил его, что он не руководствовался в принятии данного решения собственными интересами, и что правило в любом случае должно быть утверждено Римом. Лев воспринял это заявление Анатолия как имплицитное признание Константинополем недействительности правила.¹⁵ Тем не менее, «псиφος» отражал реальное положение вещей и реальную власть, которую имели Константинопольские епископы во Фракии и Малой Азии. Это положение вещей уже не могло быть изменено и редуцировано, например, к ситуации, какая имела место в эпоху II Вселенского Собора. Поэтому, когда позже «псиφος» вошел в канонические сборники Византии – уже как 28-е правило, – по крайней мере на Востоке это ни у кого не вызвало вопросов.

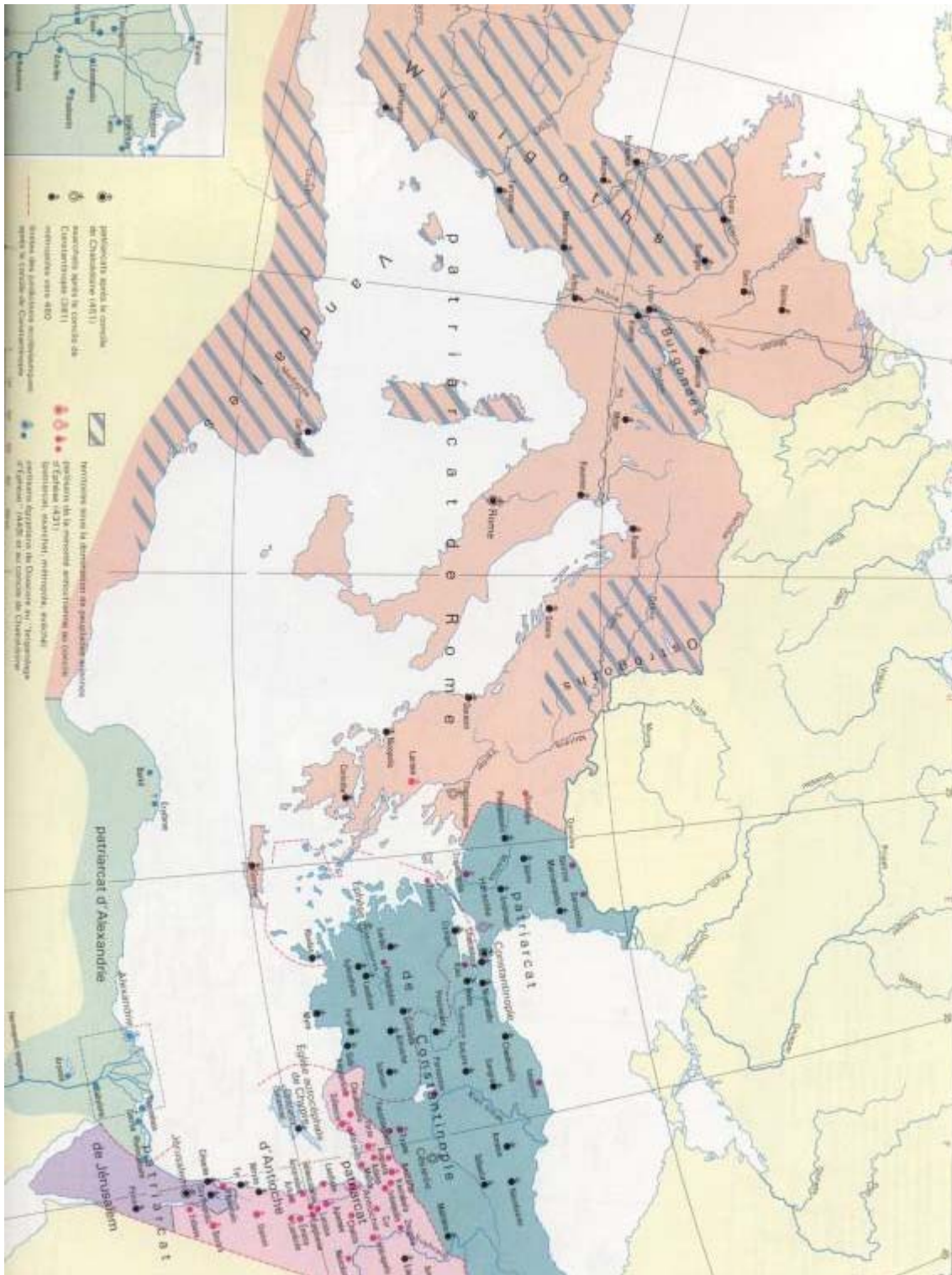
Обратимся теперь к анализу самого текста правила. По главному вопросу – об области юрисдикции Константинопольской Церкви – отцы

¹⁴ Именно так – как «псиφος» – данный текст идентифицируется и в греческой Синагоге в 14 титулах, составленной в последних десятилетиях VI века. См. по этому поводу E. Schwartz. *Der sechste nicaenische Kanon auf der Synode von Chalkedon*. Berlin, 1930.

¹⁵ См. историю признания или вернее непризнания 28-го правила на Западе: P.-Th Camelot. *Épêse et Chalcedoine*. Paris: Éditions de l'Orante, 1962, 161-173.

Собора приняли решение, с одной стороны, легализовать фактически установившуюся зависимость от Константинополя Церквей трех диоцезов: Фракийского, Асийского и Понтийского. С другой стороны, они ограничили зону влияния Константинополя лишь этими диоцезами, преградив путь для возникновения дальнейших прецедентов вмешательства Константинополя в дела Церквей Востока и Запада. На ограничительный характер канона указывает слово «только» (μόνονος). В этом данный канон сходен со 2-м правилом II Вселенского собора, которым также ограничивалась власть Александрийской, Асийской, Понтийской, Фракийской и Восточных (с особым упоминанием об Антиохийской) Церквей: «Александрийский епископ да управляет Церквами **только** Египетскими; епископы восточные да начальствуют **только** на востоке... также епископы области Асийской да начальствуют **только** в Азии; епископы Понтийские да имеют в своем ведении дела **только** Понтийской области; Фракийские **только** Фракии».

Таким образом, после Халкидонского собора власть между четырьмя Восточными Патриархатами распределилась следующим образом: в юрисдикцию Константинополя вошло три диоцеза: Фракийский, Асийский и Понтийский, Александрии – один – Египет, Антиохи – бóльшая часть Восточного диоцеза, Иерусалима – три провинции того же Восточного диоцеза.

карта 1. Границы Патриархатов к середине 5-го века

К середине 5-го века сложилось две системы отношений между патриархами и входящими в их область митрополитами и епископами.¹⁶ Римский папа и Александрийский патриарх рукополагали всех без исключения епископов своих областей (см. ниже рис. 1). Антиохийский и Иерусалимский патриархи – лишь митрополитов, а те в свою очередь – епископов, входивших в их митрополичьи области (см. ниже рис. 2). Такая же ситуация была в Македонии и несколько позже – при Юстиниане – в Дакии, где соответственно в Салониках и Первой Юстиниане сидели папские викарии и рукополагали лишь митрополитов своих областей. При этом, однако, они имели определенное влияние на избрание и епископов рангом ниже. Две эти системы можно проиллюстрировать следующим образом:

рис. 1

рис. 2

В отношении Константинополя, как явствует из текста 28-го правила, был применен смешанный подход. В нем преимущественно нашла воплощение вторая схема, так как патриарх, согласно канону, мог рукополагать только митрополитов подчиненных ему областей. Наряду с этим к Константинопольской Церкви была применена и первая схема, которая касалась порядка рукоположения епископов среди «варваров». Текст канона однозначно говорит, что непосредственно патриархом рукополагались епископы среди «варварских» народов, проживавших на территории трех диоцезов: «Поэтому только митрополиты Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также епископы на варварских (территориях) указанных выше диоцезов рукополагаются упомянутым выше святейшим престолом святейшей Константинопольской Церкви». Речь не идет о рукоположении епископов для «варварских» народов за пределами трех

¹⁶ См. А.Н.М. Jones. *The Later Roman Empire 284-602*, v. 2. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986, 893-894.

диоцезов, хотя такая практика, как мы увидим ниже, существовала. Текст канона сосредоточен исключительно на территории империи и не выходит за ее границы. Таким образом, случай Константинопольской Церкви можно проиллюстрировать следующим образом:

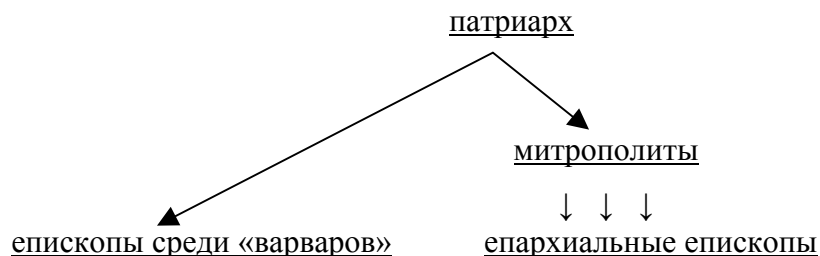

рис. 3

В связи с этим возникает вопрос: что это были за варварские племена, упоминаемые в каноне? «Варварами», населявшими три диоцеза в середине 5-го века, очевидно были готы. История готы в западной части Римской империи исследована довольно хорошо. На этом фоне в значительной степени менее изученной остается история готы на Востоке. Обусловлено это в первую очередь скудностью сохранившихся источников. Целостной картины готского присутствия в восточной империи, таким образом, нарисовать невозможно. Можно лишь предположительно реконструировать некоторые ее фрагменты по дошедшим до нас историческим свидетельствам.

Заселение готами территорий восточной империи началось еще в эпоху *маркоманнийских* войн Марка Аврелия, во второй половине 2-го века. В 376 году готским племенам тервингов, возглавлявшимся Алавивом и Фритигерном, было позволено поселиться на территории римской Фракии, в статусе *dediticii*.¹⁷ Византийцам было не просто решиться на такой шаг, ввиду потенциальных опасностей, которые таило в себе заселение воинственными племенами земель, столь близких к столице. Тем не менее, выгоды от этого казались еще бóльшими. Так, готы так или иначе уже положили глаз на земли Фракии, и, не приняв их по собственной воле, можно было столкнуться с ними как интервентами. Во-вторых, готы были хорошими солдатами, неплохо обученными и организованными – по крайней мере, по сравнению с другими «варварскими» племенами. Привлечение их к военной службе помогло бы облегчить нагрузку обязательной военной повинности, лежавшую на других иммигрантах (*coloni*), а также получать значительные финансовые поступления за счет денежных откупов от других военнообязанных граждан. Поселившись на территории империи, готы получили особый статус,

¹⁷ См. об этом статусе G. Wirth, «Rome and its Germanic partners in the fourth century», в *Kingdoms of the Empire: the integration of barbarians in late Antiquity* (ред. Walter Pohl). Leiden: Brill, 1997, 13-55.

который весьма выгодно отличался от статуса других иммигрантов-*coloni* и давал им определенную автономию в границах империи.

Тем не менее, мирное проживание готов на территории Византии было недолгим. Небрежное и некомпетентное обращение с ними со стороны византийских чиновников и офицеров, а также их огромное количество и военная сила, превзошедшая мощь византийских войск в регионе, стали причиной готского восстания, которое возглавил Фритигерн. Оно было весьма успешным для восставших, которые вскоре смогли сломить сопротивление региональных византийских военных частей и осадить Адриануполь. Фритигерн предложил императору Валенту в качестве условия примирения передачу готам всей Фракии, в которой они проживали бы на условии особого федеративного договора (*foedus*). Готская Фракия должна была стать федеральным субъектом со своим собственным управлением.¹⁸ Иными словами, Фритигерн предложил расширить изначальные условия поселения готов на византийской территории, заключенные в 376 году. При этом условие подчиненности готов императору оставалось неизменным.¹⁹ Характерно, что данное предложение Фритигерна Валенту доставил священник, бывший доверенным лицом предводителя готов. Данный факт может свидетельствовать о том, что у готов начала формироваться идея того, что наличие собственного священства является атрибутом власти и собственной идентичности.

Предложение Фритигерна, однако, было отвергнуто императором. В результате в августе 378 года произошла битва при Александрополе, в которой византийцы, под предводительством самого императора, потерпели сокрушительное поражение. Убит был и император. Александрупольское сражение стало ключевым событием в отношениях между готами и византийцами и определило эти отношения на долгое время. В частности, оно подвигло византийцев к поискам нового *modus vivendi* с готами, к нахождению путей для их скорейшей ассимиляции, не вызывая при этом у них раздражения и недовольства.

Новая программа и новая политика византийцев по отношению к готам начала применяться вскоре после Александрупольского поражения императором Феодосием, сменившим убитого Валента. Она, в частности, выразилась в подписании 3 октября 382 года «федеративного договора» (*foedus*) между Константинополем и готами, ставшего основой для образования федерального субъекта с весьма широкой автономией.²⁰ Этот новый субъект – Готия – был образован в северных частях Дакии и Фракии – между Дунаем и Балканскими горами. Согласно условиям договора, готы

¹⁸ О теории и практике федеративных отношений в Римской империи в 4-м веке см. P. Heather, «*Foedera and Foederati of the Fourth Century*», в *Kingdoms of the Empire*, 58-74.

¹⁹ К такому заключению приходит, в частности, H. Wolfram. *History of the Goths*. Berkeley: Univ. of California P., 1988, 126.

²⁰ См. H. Wolfram. *History of the Goths*, 133.

становились подданными императора, но при этом оставались в статусе «варваров» и им было запрещено вступать в брак с другими византийцами – то есть им было отказано в праве *connubium*. В северной Дакии и Фракии им выделялись земли, которые, хотя и оставались суверенной римской территорией, составляли зону компактного и автономного проживания готов. При этом готы были обязаны оказывать византийской армии необходимую военную помощь и платить государственные налоги.

В 397 г. готы, предводительствуемые Аларихом, заключили новый *foedus* – теперь с императором Аркадием.²¹ Согласно этому договору, они получили поселение в центральной Македонии, а сам Аларих, по всей видимости, возглавил имперские войска Иллирика, получив должность *magister militum per Illyricum*. При этом он оставался в подчинении гражданской администрации Иллирика – преторианского префекта. Таким образом, готское субгосударство было перенесено из Фракии в Иллирик, на территорию современной Греции. Однако и здесь оно просуществовало недолго, так как Аларих двинулся с военной кампанией на Запад, в Италию. В западной части империи постепенно начали возникать варварские субгосударства, заключавшие федеративные договоры с Константинополем, такие как, например, *foedus* 488 года, подписанный между Теодориком и императором Зиноном.

Что же касается восточной части империи, то здесь таких готских автономий не сохранилось. Тем не менее, здесь, и прежде всего во Фракии, остались готские поселения, которые сохранили некоторые черты своего прежнего федеративного статуса. О таких поселениях во Фракии упоминает, в частности, Прокопий Кесарийский.²²

Также в Константинополе и его окрестностях существовала значительная готская колония²³, состоявшая как из романизированной готской аристократии, так и из большого числа простых готов: солдат, ремесленников, крестьян, рабов. Особенно много готов было в гарнизонах, расквартированных в Малой Азии. Об их количестве позволяет судить тот факт, что благодаря их поддержке византийский генерал готского происхождения Гайна смог поднять в 400 году восстание, захватить Константинополь и некоторое время его контролировать.

В истории зафиксировано также несколько случаев целенаправленного поселения готов на землях Малой Азии. Так, в 386 году некий Одогеус во главе многочисленного отряда готов-гевтунгов пересек Дунай, с тем чтобы попросить убежища на византийской территории. Однако отряду не повезло,

²¹ О византийской политике по отношению к готам при Аркадии см. Alan Cameron, Jacqueline Long и Lee Francis Sherry. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius, The Transformation of the Classical Heritage*; 19. Berkeley: University of California Press, 1993.

²² «Ἰλλυριοὺς τε καὶ τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία καταθέοντες καὶ ληϊζόμενοι ἐκ τοῦ ἐπὶ πλείστον». О войне, изд. G. Wirth (post J. Haury), *Procopii Caesariensis opera omnia*, т. 2. Leipzig: Teubner, 1963: *De bello Gothico*, lib. 7.33.13.3-5.

²³ См. об этом, в частности, M. Cesa. *Impero tardoantico e barbari: la crisi militare da Adrianopoli al 418*. Como: Edizione New Press, 1994, особенно гл. “Goti a Costantinopoli”, 76-90.

и он наткнулся на пограничный кордон византийцев, которые уничтожили добрую его половину. Уцелевшую часть отряда император Феодосий распорядился поселить в Малой Азии, на землях Фригии.

карта 2. Готы в конце 4-го века

Сведения о политическом статусе готов, обосновавшихся во Фракии и западной части Малой Азии, весьма скудны. Еще ничтожнее сведения об их церковном положении. Многие из них оставались арианами, хотя арианство в целом было уже преодолено как учение и идеология имперской политики. Арианство для готов стало чем-то в смысле «национальной» или племенной идентичности, и отношение к нему со стороны имперских властей, после того как арианствовавший Валент был убит и его место занял православный Феодосий, было терпимым, хотя, безусловно, властями предпринимались шаги с целью обратить готов в омоусианство. В качестве такого же фактора идентичности готам служил их язык, богослужебные особенности, круг чтения (Евангелие в переводе Вульфила) и т.п., то есть все то, что составляет особую национальную церковную традицию каждого народа, его религиозный тип.

Сохранению церковной идентичности готов должен был способствовать статус их автономности во Фракии, полученной в результате договора 382 года. Действительно, политическая независимость готов должна была предполагать значительную степень их церковной автономии и по крайней мере наличие собственных епископов. Такие привилегии, вполне вероятно, остались у фракийских готов и после аннулирования федеративного договора 382 года. Если бы до 451 года были действительны условия федеративных договоров с фракийскими готами, тогда 28-й канон можно было бы считать дополнением к этим договорам и их церковной ратификацией. Однако, поскольку *foedera* конца 4-го столетия к середине 5-го века утратили свою юридическую силу, идея, стоявшая за последней формулировкой канона, состояла в том, чтобы придать каноническую легитимность существующему статусу готских общин в трех диоцезах. На ряду с этим не исключено, что свою собственную церковную организацию имели и готы, переселенные в 386 году во Фригию, а также готские общины, расположенные вокруг и внутри столицы.

Известно, что пастырское попечение о последних проявлял св. Иоанн Златоуст. Так, он назначил клириков, которые могли общаться с готами на их языке, выделил для них в Константинополе храм св. Павла, куда сам приезжал проповедовать – с помощью переводчика.²⁴ Также он пекся о готской монастырской общине в Константинополе – «ἐν τοῖς Προμώτου».²⁵ Эта община одновременно исполняла функции семинарии – в ней проходили подготовку будущие клирики для готских общин.²⁶ Также он направлял миссионеров – скорее всего монахов – к готам в нижнем Дунае.²⁷

²⁴ См. «Ὁμιλία λεχθεῖσα ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ ἐπὶ Παύλου, Γότθων ἀναγνόντων, καὶ πρεσβυτέρου Γότθου προομιλήσαντος», PG 63, 502.

²⁵ См. послание Златоуста этой общине: «Τοῖς μονάζουσι Γότθοις τοῖς ἐν τοῖς Προμώτου», PG 52, 726-727. О местоположении этого монастыря см. R. Janin, *Les églises et les monastères*, Paris, 1962, 229. О двух монахах-готах, проживавших в Константинополе, упоминает Иероним (посл. 106).

²⁶ См. Dagron. *Naissance*, 466.

²⁷ Феодорит. *Церковная история*, изд. L. Parmentier и F. Scheidweiler. *Theodoret. Kirchengeschichte*, 2e изд. [Die griechischen christlichen Schriftsteller 44. Berlin: Akademie-Verlag, 1954]: 5.31.

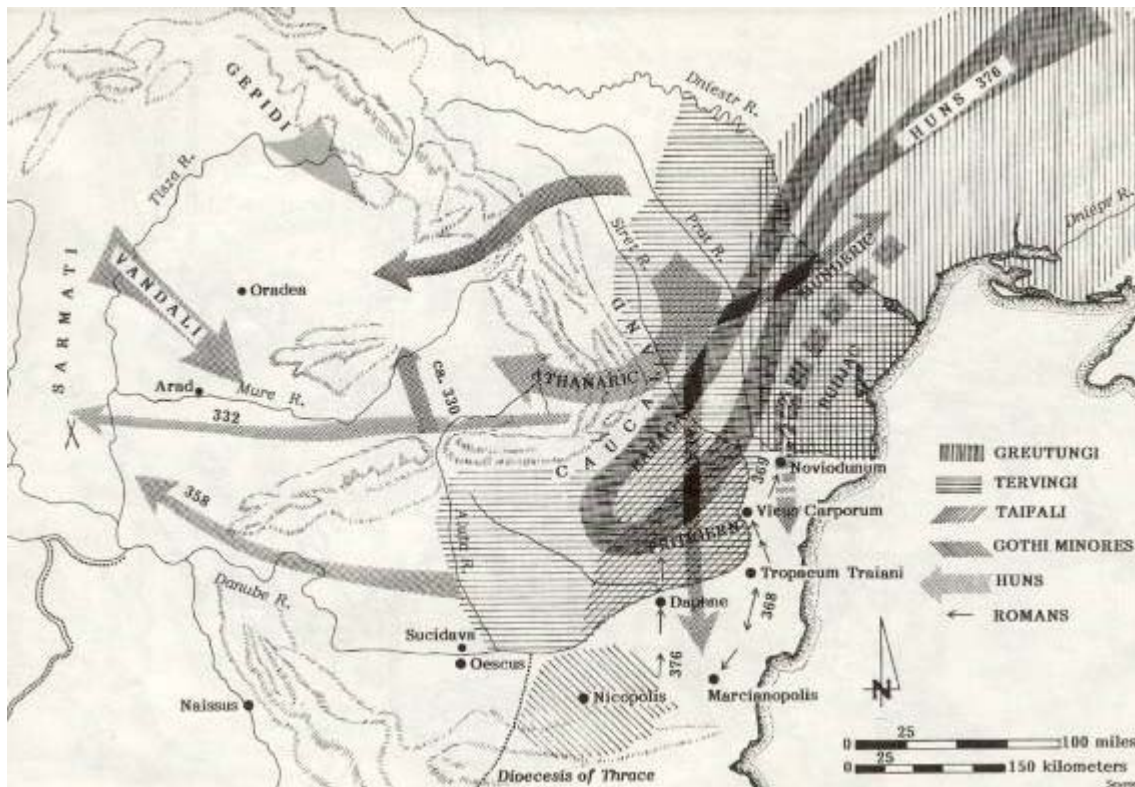
Из всего сказанного можно сделать заключение, что 28-й канон не вводил новой практики относительно рукоположений готских епископов, но закреплял и легализировал *status quo*. В этом были заинтересованы все стороны: сами готы, Константинопольский патриарх и, наконец, император. Для готов это был атрибут их политической самостоятельности, а также особая честь, которой не имели другие епархии Фракии. По замечанию Дагрона, факт рукоположения того или иного епископа в Константинополе имел большую политическую важность и автоматически поднимал статус рукополагаемого епископа.²⁸ Для Константинопольских патриархов это была некоторая компенсация за отсутствие контроля над епископами нижнего ранга, подчинявшимися митрополитам трех диоцезов. Самой заинтересованной стороной в закреплённой каноном практике рукоположения «варварских» епископов был император. Готы всегда представляли скрытую опасность для империи, что проявлялось в различных восстаниях, наиболее известным из которых был бунт Гайны, которому удалось даже захватить Константинополь. Поэтому они должны были находиться под постоянным контролем императора, и услуги лояльных двору епископов в этом деле были незаменимы. Полную же лояльность готских епископов мог обеспечить лишь Константинопольский патриарх.

Готы жили не только на землях Византии. Готские государственно-племенные образования распространялись и к северу от византийской Фракии, составляя *Barbaricum* или τὸ Βαρβαρικόν. Однако, в отличие от римских готов, готы Барбарикума – как народ – оставались преимущественно язычниками по крайней мере до второй половины 5-го века.²⁹ Многие готы влились в состав Гуннской империи, основанной Атиллой. Гунны проявляли крайнюю враждебность к христианам, в том числе к епископам, и в случае, если такие появлялись на их территории без официального разрешения, могли предать их смерти.³⁰ Таким образом, в Барбарикуме, и в первую очередь среди гуннов, которые доминировали в данной области в эпоху IV Вселенского Собора, регулярное присутствие христианских епископов вплоть до второй половины 5-го века было весьма маловероятным. Это является еще одним подтверждением того факта, что 28-й канон не имел ввиду «варваров», живших за пределами Византии, но исключительно римских готов.

²⁸ *Naissance*, 484.

²⁹ См. E.A. Thomson. «Christianity and the Northern Barbarians», в *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century* (ред. A. Momigliano). Oxford: Clarendon Press, 1963, 72.

³⁰ См. Созомен. *Церковная история* 7, 26, 6 и далее.

карта 3. «Варварские» племена за пределами Византии

В качестве исключения из этого правила могут рассматриваться крымские готы, многие из которых были христианами и образовывали компактные христианские общины, имевшие собственных епископов.³¹ Об одном таком епископе – Униле – известно, что он был рукоположен Златоустом. Об этом факте сообщает сам святитель в одном из своих писем к Олимпиаде.³² До Златоуста, однако, согласно «Житиям освященных епископов Херсонеса»³³, епископы в Крым направлялись из Иерусалимской Церкви, что, по мнению ряда исследователей, вполне вероятно.³⁴

Как бы то ни было, даже если епископы для крымских готов рукополагались в Константинополе, эта практика не была подтверждена 28-м правилом, как не были подтверждены правилом другие прецеденты, когда Константинопольские патриархи вмешивались в дела епархий за пределами трех диоцезов, как например Иллирика, Армении или Антиохии. Канон ограничил влияние Константинополя лишь ромейскими «варварами».

Суммируя, можно сказать, что 28-й канон во всех трех рассмотренных нами аспектах (власть над тремя диоцезами, влияние лишь на первый эшелон

³¹ См. А.А. Vasiliev. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass: The Mediaeval Academy of America, 1936.

³² А.-М. Malingrey (изд.). *Jean Chrysostome. Lettres à Olympias*. 2e изд. [Sources chrétiennes 13 bis. Paris: Cerf, 1968]: 9.5.15-26.

³³ Изданы Латышев, Записки Академии Наук, 8, № 3, СПб, 1906.

³⁴ См. обзор мнений по поводу подлинности исторических сведений «Житий»: Vasiliev. *The Goths in the Crimea*, 6-10.

епископов трех областей – на митрополитов, а также власть над епископами у «варваров») явился легализацией установившейся практики. Во всех этих трех аспектах он имел характер скорее ограничительный, чем дающий какие-то дополнительные привилегии. Он ограничил власть Константинополя лишь тремя диоцедами и властью только над митрополитами и «варварскими» епископами внутри этих диоцезов. При этом ограничение власти Константинопольских патриархов над «варварами» внутри трех диоцезов была продиктована скорее не желанием умерить их аппетиты, но историческими обстоятельствами, согласно которым организованные церковные структуры были преимущественно у «варваров»-готов, осевших на землях империи.